

- нуне революции 1905 г. // *Вопр. истории.* 1972. № 8 ; *Преображенский П.* Русский папа // *Печать и революция.* 1924. № 1 ; *Фирсов Н. Н.* Победоносцев. Опыт характеристики по письмам // *К. П. Победоносцев : pro et contra.* СПб., 1996 ; *Ведерников В. В.* «Московский сборник» К. П. Победоносцева и кризис идеологии пореформенного самодержавия // *Вестн. Волгогр. гос. ун-та.* 1997. Сер. 4, № 2 ; *Гусев В. А. К. П. Победоносцев – русский консерватор-государственник* // *Соц.-полит. журн.* 1993. № 11–12 ; *Рабкина Н. А.* Константин Петрович Победоносцев // *Вопр. истории.* 1995. № 2 ; *Соловьев А. Л.* Общественно-политические взгляды и государственная деятельность К. П. Победоносцева : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001 ; *Степанов Ю. Г.* «Второе пришествие» «Московского сборника» // *Историограф.* сб. Саратов, 1996. Вып. 19 ; *Он же.* К. П. Победоносцев – корреспондент А. И. Герцена // *Освободительное движение в России.* Саратов, 1999. Вып. 17.
- 15 См.: *Полунов А. Ю.* К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010.
- 16 См.: *Byrnes R.* Pobedonostsev. His Life and Thought. Bloomington; L., 1968 ; *Simon G.* Konstantin Petrovic Pobedonostsev und die Kirchenpolitik des Heiligen Sinod. Gottingen, 1992.
- 17 Цит. по: *Полунов А. Ю.* Указ. соч. С. 159.
- 18 *Мецкерский В. П.* Воспоминания. М., 2001. С. 633.
- 19 ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 25. Л. 2-2об.
- 20 Цит. по: *Полунов А. Ю.* Указ. соч. С. 162.
- 21 «Как давно нам надо было понять, что вся наша сила в нас самих, что ни на одного из так называемых друзей и союзников (Франция и Германия. – С.К.) нельзя нам положиться, что всякий из них готов на нас броситься в ту же минуту, как только заметит нашу слабость или ошибку» (*Полунов А. Ю.* Указ. соч. С. 161).
- 22 Цит. по: *Керсновский А. А.* История русской армии : в 4 т. М., 1994. Т. 3. С. 11.
- 23 Цит. по: *Полунов А. Ю.* Указ. соч. С. 163.
- 24 Переписка С. Д. Шереметева с К. П. Победоносцевым // *Российский архив.* 1999. Т. 9. С. 294.
- 25 Цит. по: *Итенберг Б. С.* От 4 апреля 1866 до 1 марта 1881 года // *Гросул В. Я., Итенберг Г. С., Твардовская В. А.* [и др.]. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 243.
- 26 Цит. по: *Полунов А. Ю.* Указ. соч. С. 165.
- 27 См.: *Цимбаев Н. И.* Речь И. С. Аксакова о Берлинском конгрессе и закрытие Московского славянского общества // *Россия и восточный кризис 70-х гг. XIX в.* М., 1981.
- 28 См.: *Полунов А. Ю.* Указ. соч. С. 164.
- 29 *Беляев Н. И.* Указ. соч. С. 7.
- 30 Там же.
- 31 Цит. по: *Шульга В. В.* Великий князь Александр Александрович в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // *Власть.* 2009. № 1. С. 125.
- 32 ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 307. Л. 61.
- 33 Р. А. Фадеев считал, что если и надо вести войну с Османской империей, то, безусловно, при поддержке держав Европы и в первую очередь Австрии. В своей работе «Мнение о Восточном вопросе» генерал отмечал: «Дело в том, что нам невозможно вести войну на Балканском полуострове без позволения Австрии, а этого позволения мы не получим ни в коем случае. Посмотрите на карту: нам открыт доступ на Европейскую Турцию только одним путем – через ворота между юго-восточным углом Карпат и устьем Дуная; ключ от этих ворот у Австрии. Переходя Дунай или даже Прут, мы становимся тылом к ней. В этом неловком положении первая угрожающая демонстрация нашей доброй соседки заставляет нас поспешно отступить, как было в 1854 г. Нижний Дунай доступен только при австрийском паспорте. В отношении к нам географическое положение европейской Турции уподобляется прочному ящику, крышку которого составляет Австрия; не приподнявши крышки, нельзя ничего достать из ящика – мы уже достаточно это испытали» (*Фадеев Р. А.* Государственный порядок. Россия и Кавказ. М., 2010. С. 648).
- 34 ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 368. Л. 2.
- 35 Там же.
- 36 *Фадеев Р. А.* Государственный порядок. Россия и Кавказ. С. 664.
- 37 Цит. по: *Толмачев Е. П.* Александр III и его время. М., 2007. С. 138.

УДК 94(47).083+929 Гершуни

«ХУДОЖНИК В ДЕЛЕ ТЕРРОРА»: ГРИГОРИЙ ГЕРШУНИ (опыт исторической характеристики)

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет
E-mail: ybartho@mail.ru

Статья представляет собой опыт построения исторической биографии одной из ключевых фигур революционной эпохи России начала XX века «художника» террора – Г. А. Гершуни. Автор, основываясь на источниках личного происхождения и официальных документах, анализирует деятельность

лидера Боевой организации эсеров и предпринимает попытку создания историко-психологического портрета Григория Гершуни.

Ключевые слова: Григорий Гершуни, организатор, Боевая организация эсеров, революционный террор.

**«The Artist and Terror as the Aim of His Entire Life»:
Gregory Gershuni (a Historical Portrait)**

Yu. V. Varfolomeev

The article is an attempt to construct a historical biography of one of the key figures of the revolutionary era in Russia of the early 20th century – «artist» of terror, G. A. Gershuni. The author analyzes the performance of the SRs' military organization leader on the basis of personal and official documents and tries to create a historical and psychological portrait of Gregory Gershuni.

Key words: Gregory Gershuni, organizer, SRs Fighting Organization, revolutionary, terror.

Исследованию различных сторон феномена революционного терроризма в России посвящено большое количество работ. В то же время актуальность изучения этой проблемы в настоящее время не только не ослабевает, но и в связи с эскалацией террористической деятельности, как на международной арене, так и внутри страны, приобретает особую значимость. Однако всестороннему изучению и глубокому осмыслению революционного терроризма в течение длительного времени мешали идеологические установки, господствовавшие в советской историографии, которые базировались на ленинских характеристиках и критике террористической тактики т.н. «мелкобуржуазных партий»¹. Революционный терроризм изучался в основном в трудах, посвященных истории освободительного движения и политических партий, причем опосредованно, как досадное недоразумение на фоне магистральной борьбы большевиков с царизмом².

При этом в советской историографической традиции сложилась своеобразная апологетика народофильского и эсеровского террора, которая в различных аспектах была интерпретирована в ряде исследований при объяснении причин и целей террористического движения. Так, например, Ф. М. Лурье, выражая подобную точку зрения, полагает, что эсеровский красный террор был вызван к жизни террором государственным. Логика подобного суждения, интерпретирующая взгляды народофильцев – идеологов террористической борьбы, такова: если бы в России существовали демократические институты власти, то революционный терроризм был бы невозможен, так как он являлся следствием безысходности при отсутствии парламентской альтернативы самодержавию³.

Определенный прорыв в изучении истории революционного терроризма связан с постсоветским периодом в отечественной историографии, знаковыми и характерными чертами которого стали отсутствие идеологической доминанты и широкий плюрализм точек зрения, что, в свою очередь, способствовало формированию нескольких тенденций и направлений в исследовании данной проблематики⁴. С этого момента появилась реальная возможность концептуализации такого

явления, как революционный террор, основанной на анализе его исторических корней, генезиса, а также социокультурных, мировоззренческих и психологических детерминант.

Особое место в изучении различных аспектов российского революционного террора занимают зарубежные исследователи. Весьма показательным, что одна из немногих попыток сформулировать общую концепцию истории терроризма в России предпринята в статье американского историка Н. Неймарка «Терроризм и падение императорской России»⁵. В работах А. Гейфман изучается размах терроризма в России в период с 1894 по 1917 г., и в первую очередь в годы Первой русской революции (1905–1907). Используя архивные документы, она произвела подсчеты и привела максимально достоверные шокирующие цифры жертв революционного террора. При этом автор, исследуя значение внезапной и мощной эскалации террористической атаки, показывает, какую роль в революции начала XX в. сыграли убийства, покушения, взрывы, политические грабежи, вооруженные нападения, вымогательства и шантаж, и что важно для изучаемой темы, ученый описывает террористов нового типа, которые, как она считает, отличались от своих предшественников тем, что были сторонниками систематического неразборчивого насилия и составили авангард мирового терроризма. Один из выводов, к которому приходит Гейфман, – это то, что в начале XX в. в Российской империи возник и доминировал новый тип террористов, в большей степени предшественников современных экстремистов, чем преемников российских террористов XIX века⁶. В книге Л. Г. Прайсмана рассматривается история одной из самых грозных террористических групп века – Боевой организации партии социалистов-революционеров, организатором которой был Г. А. Гершуни. Основную проблему, которую изучает автор, – это роль и значение террора в политической истории России начала XX века. При этом он задается закономерным вопросом: почему представители различных классов, сословий, национальностей, выходцы из элиты страны шли в террор и самоотверженно отдавали свои жизни ради свержения существующего общественного строя? В книге также исследуется деятельность и других террористических организаций эсеров: Летучего боевого отряда Северной области, Центрального боевого отряда и др.⁷

Между тем, несмотря на большое количество работ по данной проблематике, ощущается дефицит исследований, посвященных непосредственно ключевым фигурам революционного террора – его организаторам, вдохновителям и исполнителям. В частности, такой противоречивой, харизматичной и отчасти загадочной личности, как Григорий Андреевич Гершуни.

Прежде всего, следует отметить изменения, коснувшиеся социального портрета революционера новой эпохи. Так, если террористы второй

половины XIX в. принадлежали, как правило, к привилегированным, или, точнее, к состоятельным, слоям общества, то большинство их последователей новой революционной волны были выходцами из обедневших крестьянских семей, перебравшихся в поисках заработка из села в город. Они, как правило, испытывали серьезные материальные трудности, а также крайне медленно и болезненно адаптировались к новому и чуждому для них городскому социуму. Неудивительно и вполне закономерно, что эта категория новоиспеченных «пролетариев» легко и быстро поддавалась революционной агитации, причем в ее крайнем, экстремистском выражении. Этому способствовал и так называемый революционный невроз, охвативший различные слои общества. «Революционный невроз, – считали современники тех событий известные французские историки О. Кабанес и Л. Насс, – не праздное слово. Он действительно и, несомненно, существует и вносит самое беспорядочное смятение не только в души отдельных личностей, но и в души целых обществ»⁸.

Этика и психика подготовленного в недрах террористической организации боевика представляли собой гремучую смесь тираноборческих настроений, революционного фанатизма, религиозной жертвенности и некрофильских настроений. Германский историк М. Хилдермейер справедливо замечает, что в эсеровской идеологии террористические акты получали дополнительное оправдание при помощи моральных и этических аргументов. «На террористов распространялась особая аура, – делает вывод О. В. Будницкий, – ставившая их выше обычных членов партии, как их удачно называет Хилдермейер, “гражданских членов партии”. Ведь террористы должны были быть готовы отдать жизнь за дело революции»⁹. С этой точки зрения представляется крайне важным выяснить мировоззрение и психологию организатора и лидера Боевой организации, и, по сути, наставника и воспитателя террористов – Григория Гершуни.

Григорий Гершуни (Герш Исаак Цукович) родился 29 сентября 1870 г. в Таврово Ковенской губернии. Его детство и юность прошли в типичной для еврейского подростка обстановке. Семья Гершуни испытывала материальные затруднения и Григорию, из-за недостатка средств, не удалось окончить гимназию. В то же время он сдал экзамены на аптекарского ученика, и в 1895 г. поступил на фармацевтические курсы Киевского университета. Однако спокойная и размеренная жизнь местечкового обывателя или аптекаря его, очевидно, не прельщала, и уже через год он был впервые арестован за связь с участниками студенческого движения. Но тогда он, можно сказать, легко отделался, так как не был предан суду и вскоре был освобожден. Между тем, получив профессию провизора, Гершуни перебирается в Москву и работает в Институте экспериментальной медицины.

На феномен необъяснимого, на первый взгляд, наличия революционной бациллы в профессии фармацевта спустя годы обратил внимание профессор-юрист Г. Г. Тельберг. «Оказалось, что фармация была как бы подготовительной школой советских государственных деятелей первых годов, нечто вроде прославленного “Училища правоведения”, которое было питомником дипломатов и помпадуров в царские времена, – с грустной иронией отмечал он в 1918 году. – А мы-то, живя бок о бок с фармацевтами, совершенно не подозревали в них государственных талантов...»¹⁰ Саркастическое замечание Тельберга насчет наличия у фармацевтов особых «талантов», если и не государственных, то уж во всяком случае деструктивно-революционных, по отношению к Гершуни было вполне уместно.

Секрет популярности этой профессии среди еврейской молодежи можно объяснить отчасти их стремлением вырваться из пресловутой «черты осёдлости». Однако в дальнейшем этот безобидный шаг имел более опасные и далеко идущие последствия. Как оказалось, непродуманные дискриминационные правительственные меры находили острый и драматичный отклик в еврейской среде и особенно болезненно воздействовали на сознание молодежи и, по сути, толкали её в объятия революционной стихии. Неудивительно, что мирные «фармацевты» вступали в экстремистские оппозиционные организации. Теперь уже в своих легальных лабораториях, имея все необходимые ингредиенты и приборы, они стали изготавливать бомбы (в прямом и в переносном смысле этого слова) для ненавистного царского режима. Неизвестно, как бы сложилась московская жизнь фармацевта Гершуни, если бы не издание Высочайшего повеления от 13 ноября 1897 г., в соответствии с которым евреям, изучающим фармацию, фельдшерское и повивальное искусство, было воспрещено селиться в Москве и Московской губернии¹¹.

В связи с этим в 1898 г. Гершуни вынужден был покинуть Москву и поселиться в Минске, где он организовал лабораторию для бактериологических исследований. Деятельный и неравнодушный молодой человек все свободное время теперь посвящает организации культурно-просветительской работы. Свою энергию и организаторские способности он направил на создание начальной школы для мальчиков и передвижного музея школьных пособий. Одновременно с этим он читал лекции в субботней школе для взрослых, а при Минском обществе врачей он организовал народные чтения, на которых и сам был одним из лекторов.

Но легальное и лояльное культуртрегерство его уже не удовлетворяло. В конце XIX в. революционный невроз, все шире и глубже распространявшийся в российском обществе, охватил и Григория Гершуни. Он всё больше и больше увлекается революционными идеями. С этого момента

в общественном движении появляется революционер по кличке «Дмитрий», который становится постоянным участником, а порой и организатором редких ещё по тем временам массовых митингов. «Случалось, что он внезапно как из-под земли вырастал там, где атмосфера переполнялась электричеством стачечного брожения»¹², – отмечал эту особенность В.Н. Чернов. Уже тогда очевидцы говорили о нем как об ораторе, оставляющем «незабываемое по силе впечатление»¹³. Спустя некоторое время Гершуни устраивает мастерскую станков для подпольных типографий и создает бюро изготовления нелегальных паспортов, что было крайне необходимо подпольщикам в то время. А между тем неугомонная революционная среда полнилась слухами о «вездесущем и неуловимом» Дмитрие – «бурном ораторе» массовых митингов.

Однако переломным моментом в судьбе провинциального революционера все-таки стал тот день, когда на него «натолкнулась» «бабушка русской революции» Е. К. Брешко-Брешковская, которая в целях пополнения рядов «незримого воинства» будущей партии социалистов-революционеров без устали разъезжала тогда по России и «исккала человека». «Светлая голова», – отметила она про себя, встретив Гершуни¹⁴. Революционное чутье её не подвело, именно такого, как он, по её искреннему убеждению, и следовало «привлечь к эсерству – дело будет»¹⁵. И начало террористическому «делу» с именем этого революционного новобранца было положено. В некогда мирном культурном деятеле, умном и осторожном провизоре и бактериологе Гершуни она нашла того самого «человека», который не только пополнил ряды эсеровского воинства, но и стал одним из отцов-основателей Боевой организации и идеологов революционного террора нового века.

Следует подчеркнуть, что решающее влияние в этот период времени на формирование мировоззрения молодого революционера оказала, безусловно, «бабушка русской революции», под воздействием которой Гершуни решил полностью отдать свою жизнь, как он считал, на «благо и интересы трудового народа»¹⁶. Вместе с тем его кумиром на протяжении всей жизни оставался П. Л. Лавров. Очевидно, в стремлении стать именно той «критически мыслящей личностью», портрет которой нарисовал Лавров, он откликнулся на призыв идеолога народничества, утверждавшего, что «нужны энергические, фанатические люди, рисующие всем и готовые жертвовать всем»¹⁷. Его природные качества, как оказалось, в полной мере соответствовали этому образу революционера. «Светлая голова» венчала «какой-то весь круглый, полноценный, гармоничный» образ фармацевта от революции. «В нем была широта и размах, и спокойная, меры себе не знающая, духовная сила»¹⁸, – констатировала М. А. Спиридонова.

Наряду с проступающей в поступках и словах Гершуни внутренней энергичностью, столь не-

обходимой «критически мыслящей личности», в нём обращала на себя внимание и его наружность. «На обыкновенном добром еврейском лице, как контраст ему, выделялись совершенно необыкновенные большие, молочного-голубые, холодные глаза, – отмечал Б. В. Савинков. – В этих глазах оказывался весь Гершуни. Достаточно было взглянуть на них, чтобы убедиться, что перед вами человек большой воли и несокрушимой энергии»¹⁹. Именно глаза Гершуни наряду с «присутствием очень большой силы» поразили и М. А. Спиридонову. «Удивительны были его глаза. Серо-синие, большой красоты и сияния, – с женской наблюдательностью и пронизательностью подметила она. – Глаза говорили с вами, утешали вас, ласкали, гневались. Лица не было видно и неинтересно было видеть, все внимание уходило в глаза»²⁰. Не ускользнул необычный, словно околдовывающий, взгляд свойственный Гершуни и от внимания опытного жандармского офицера А.И. Спиридовича. «Его гипнотизирующий взгляд, – вспоминал он, – и вкрадчивая речь покоряли ему собеседников и делали из них его горячих поклонников»²¹.

Сочетание гипнотизирующего взгляда и вкрадчивой речи, действительно, производили на общавшихся с ним людей неизгладимое впечатление. Причем многие из них ощущали завораживающую метаморфозу речи Гершуни, когда вначале «он говорил мягко-убедительно, но голос все креп и креп, звук рос и расширялся, глаза начинали буквально метать молнии, и все взгляды приковывались к нему»²², – свидетельствовала Спиридонова. «Его слова были тоже, по первому впечатлению, обыкновенно бесцветны, – вспоминал Савинков. – Только в дальнейшем разговоре выяснялась сила его логических построений и чарующее влияние его проникновенной веры в партию и в социализм»²³. Между тем гипнотизирующим был не только взгляд Гершуни, но и его воля, которая, по утверждению Спиридоновой, заставляла беспрекословно подчиняться ему. Вместе с тем она уточняла, что при всей внешней деспотичности своей природы «он стремился передать максимум своих знаний и опытности и своей доброты <...> Интересно бывало наблюдать его неизменную выдержку и ровность в обхождении, несмотря на большую нервность и впечатлительность»²⁴.

И, завершая портретную зарисовку своего террористического кумира, Мария Спиридонова заговорила почти «библейским языком». Именно на этом языке, считала она, «хорошо бы все сказало о Гершуни», так как он «сам будто принесен оттуда – из времен библейских, только в теперешнем культурном обличье». Вершиной её восторженной характеристики Гершуни и логическим завершением библейского сюжета о нём стал следующий пассаж: «Он был добр не простой добротой. Казалось, в нем сконцентрировалось все прекраснейшее, что имеет в своей

духовной сокровищнице еврейская национальность. Он происходил по прямой линии от того колена, которое родило Христа. Чувство долга, чувство правды, взыскующей града, чувство любви, часто контролируемое сознанием, – все в нем поглощалось одним чувством, одним сознанием ежечасного, ежеминутного пребывания на служении своей идее»²⁵. Однако в своих библейских фантазиях насчет Гершуни она, как ни странно, оказалась не одинока. Точно так же и ветеран-народоволец М. В. Фроленко признавался, что воспринял его «похожего, как мне казалось, на Иисуса по своим душевным качествам»²⁶. Остается только удивляться их столь нелепым и неуместным сравнениям. Вызывает недоумение и то обстоятельство, что они умудрились объявить прекрасным по доброте и душевным качествам человеком Гершуни – убежденного террориста, хладнокровного и цинично-расчетливого организатора политических убийств.

В 1899 г. Г. А. Гершуни вступил с кружок «Рабочая партия политического освобождения России» и, несмотря на своё весьма сомнительное отношение к рабочему классу, вскоре его возглавил. Однако в марте 1900 г. была обнаружена нелегальная типография, созданная Гершуни, и 19 июня этого же года он как её организатор был арестован. На интеллектуально-просветительских и психологически филигранных допросах у начальника Московского охранного отделения С. В. Зубатова, действительно светлой головы политического сыска, Гершуни, вопреки неписаному кодексу «революционной чести» задержанных экстремистов, всячески отрицал свою связь с подпольными организациями. Можно предположить, что такое его поведение объясняется желанием «переиграть» своего политического визави и как можно быстрее вернуться к практической работе. Подобная тактика оправдала себя – в июле 1900 г. следствие по этому делу было прекращено, и подозреваемый был освобожден из-под стражи.

Однако в начале 1901 г. Гершуни все-таки перешел на нелегальное положение, и летом этого же года он совершил организационно-пропагандистский вояж в стиле а ля Брешковская, посетив Нижний Новгород, Самару, Уфу, Воронеж и другие города. В этой поездке он не только устанавливал связи с кружками социалистов-революционеров, но и побуждал их к более активной деятельности. В конце 1901 г. Гершуни выехал за границу в качестве представителя южных и западных групп социалистов-революционеров, объединившихся в Южную партию социалистов-революционеров. В Женеве он вместе с В. М. Черновым, М. Р. Гоцем и Е. Ф. Азефом принял участие в переговорах о создании партии социалистов-революционеров.

Один из участников тех встреч, Чернов, отметил, что Гершуни «производил неотразимое впечатление с первого раза и притом на людей совершенно различных и друг на друга непохо-

жих», при этом он «ворвался», по его образному выражению, в его жизнь, а также и в жизнь русского революционного зарубежья «внезапно, наподобие того, как падают с неба на нашу землю блуждающие метеориты»²⁷. Правда, были и другие точки зрения. Так, например, Вера Фигнер утверждала, что при первой встрече Гершуни «не произвел большого впечатления. Быть может, он много терял в присутствии такого блестящего человека, как Савинков, а может быть, потому, что разговоры не были деловыми, не касались и таких тем, как жизнь в Акатуе, путешествие по Америке, рассказывая о которых, он мог развернуться»²⁸. Однако его ум, деловитость и искусство говорить она оценила несколько позже, когда жила в Финляндии.

Одной из первых ярких страниц в революционной биографии Гершуни была виртуозная организация транспортировки нелегальной литературы из-за границы. В апреле 1902 г. известный эсеровский функционер Степан Слетов попытался организовать экстренную отставку нелегальной первомайской литературы в Россию, но, как оказалось, из-за очередных организационных неувязок «праздничная» корреспонденция застряла где-то по ту сторону границы. Слетов метался между границей, Киевом и Воронежем, но все безуспешно. В то же самое время его трижды встречал на этом пути и под конец обогнал неудержимый Г. А. Гершуни. «Он проехал границу и в два дня наладил пути для транспорта»²⁹, – с нескрываемым удивлением и восхищением засвидетельствовал Слетов успех своего соратника – революционного «челнока» Гершуни. Такой же восторженной характеристики и эпитета «орёл» удостоился последний и от матерого контрабандиста, ставшего невольным свидетелем подпольной суеты эсеров. Несколькими месяцами ранее аналогичной характеристики удостоился Гершуни и от старого анархиста З. К. Арбори-Ралли. Таким образом, «анархист старых времен, простой галицийский мужик и молодой эсер-великоросс из Тамбова, – констатировал В. М. Чернов, – определили Гершуни единым словом»³⁰. Его «орлиная» энергия поражала и заряжала соратников. «Она была необъятна, всегда действенна и необыкновенно заразительна»³¹, – прочувствованно отметила М. А. Спиридонова.

Но, пожалуй, главным делом Гершуни стало создание и руководство Боевой организацией партии эсеров. Он первым наметил схему организации партии и четко сформулировал её цели, считая, что «Боевая организация не только совершает акт самозащиты, но и действует наступательно, внося страх и дезорганизацию в правящие сферы»³². При этом он, как видно, руководствовался наставлением П. Л. Лаврова, утверждавшим, что «пора бессознательных страданий и мечтаний прошла: пора героических деятелей и фанатических мучеников, безрасчетливой траты сил и бесполезных жертв прошла. Настала пора спо-

койных, сознательных работников, рассчитанных ударов, строгой мысли и неуклонной терпеливой деятельности»³³. И добросовестный ученик в течение нескольких месяцев готовит и проводит несколько хорошо продуманных и хладнокровно рассчитанных террористических ударов.

Выстрел П. В. Карповича в министра народного просвещения Н. П. Боголепова 14 февраля 1901 г. ознаменовал собой начало очередного и самого грандиозного этапа революционного терроризма двадцатого столетия в России. «Значение Карповича и состояло в том, что он дал первый толчок атмосфере бездействия и молчания. И река тронулась»³⁴, – отмечал в связи с этим один из его современников. Куда тронулась река революционного террора, и что скрывали её мутные, бушующие волны как раз и предстоит выяснить. Однако теракт Карповича, как оказалось, был плодом его личного авантюризма и совершен по его собственной инициативе и плану, без согласования и поддержки со стороны какой-либо революционной организации, хотя и под бесспорным влиянием эсеровской идеологии. В то время как следующий террористический акт, спланированный уже в «бактериологической лаборатории» Гершуни, был совершен 2 апреля 1902 г. в Санкт-Петербурге, когда бывший студент С. В. Балмашев смертельно ранил министра внутренних дел и шефа жандармов Д. С. Сипягина, который, по мнению эсеров, «из всех царских слуг и народных угнетателей больше всех просился под пулю»³⁵.

Еще более отчаянный и циничный теракт спланировал расчетливый фармацевт Гершуни на 5 апреля 1902 г. – день похорон Сипягина, когда на траурной церемонии должны были пасть еще две ненавистные фигуры царского режима – обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев и Петербургский генерал-губернатор Н. В. Клейгельс. Однако из-за нерешительности участников покушения эти террористические акты так и не были осуществлены. Также неудачно закончился и террористический акт 29 июля 1902 г., когда рабочий Фома Качура стрелял в харьковском парке «Тиволи» в губернатора кн. И. М. Оболенского, организовавшего подавление крестьянских беспорядков в Харьковской и Полтавской губерниях. Причем на этот раз Гершуни даже сам сопровождал Качуру на место теракта; но даже и это не помогло – Оболенский был легко ранен.

Следующий террористический акт, организованный Г. Гершуни и Е. Азефом, явился демонстративной мезью революционеров за гибель рабочих во время беспорядков в Златоусте. Как видно, революционеры не особенно пытались и хотели разобраться в истинных причинах трагедии, виновен или нет уфимский губернатор, но безапелляционно «приговорили» его к смерти, как наиболее высокопоставленного чиновника, находившегося в тот день на месте расстрела. Дата и место убийства были подобраны организаторами теракта с иезуитским коварством. 6 мая 1903 г. в

т.н. «царский день» (день рождения императора Николая II) в Соборном парке города Уфы члены Боевой организации, железнодорожный рабочий Е. Дулебов и его поделщик оставшийся неизвестным, застрелили Н. М. Богдановича.

Криминальный успех террористических атак группы «фармацевта» объясняется, на мой взгляд, не только хорошей организацией и кропотливой подготовкой акций, но и скрупулезным и, как правило, безошибочным подбором исполнителей, хотя Е. К. Брешко-Брешковская считала, что Гершуни «был крайне неумелым в определении годности того или другого типа. Он горячо хватался за всех, кто предлагал ему себя как решительного борца, готового сейчас же стать в ряды БО»³⁶. Думается, что в данном случае она не совсем права. Да, Гершуни действительно старался не выпускать из своих гипнотических сетей залетевших туда, сбившихся с жизненных координат «мотыльков» из молодежной среды. Он «внимательно присматривался к молодежи, которую встречал, намечая всех, кто заслуживал внимания»³⁷, – вспоминал В. М. Зензинов, и очень скоро под влиянием тщательной «бактериологической» обработки Гершуни эта разношерстная и многолика публика становилась единой и сплоченной частью Боевой организации. «Мудрость его обхождения и чистосердечие подхода и манер растопляли перегородки», – объясняла подобное превращение М. А. Спиридонова.

При этом возникает вопрос: в чем же заключался секрет идеологической и морально-психологической обработки боевиков-рекрутов революционного террора, которую проводил Григорий Гершуни? Народоволец М. В. Фроленко, хорошо знавший из своего жизненного опыта природу и характер совершенной подпольной террористической организации, считал, что как практик Гершуни, «вероятно, был плох, но как проповедник неотразим, думаю»³⁸. В данном случае, очевидно, Фроленко имел в виду практику, или, точнее, непосредственное участие в терактах. И здесь он прав. Гершуни сам не принимал участие в кровопролитии, но при этом был другим непревзойденным практиком – практиком безукоризненной организации этих преступлений.

По признанию самих террористов Гершуни «был большим ловцом и господином людей. И господство его не было тираническим, – поясняла Мария Спиридонова. – Он сам имел господина над собой и служил ему верно и преданно и всех, кто входил в круг его влияния, вел вместе с собой на служение своей идее»³⁹. Под его завораживающее, демоническое влияние попадали почти все, кто с ним соприкасался. Правда, по разным причинам: «одни, только любя и безмерно уважая его, – уточняла Спиридонова, – другие, отдавая ему свою волю и душу, как ученики любимому учителю. Со слепым подчинением»⁴⁰. Рассуждая о гармонии, о некоем абсолюте вселенской любви, а именно, о любви «к дальнему и ближнему»,

ссыльная террористка А. Биценко, находила только одного счастливого обладателя подобной гармонии – «Григория Андреевича Гершуни, умевшего, – по её мнению, – сочетать любовь к дальнему и ближнему»⁴¹. Думается, что говорить в данном случае о любви хладнокровного организатора убийств «к дальнему и ближнему», по меньшей мере, неуместно. На самом деле все здесь гораздо прозаичней. Гершуни, несомненно, «обладал исключительной способностью овладевать той неопытной, легко увлекающейся молодежью, которая, попадая в революционный круговорот, сталкивалась с ним»⁴², – раскрывал секрет революционного обаяния «фармацевта» наблюдательный А. И. Спиридович.

Авторитет и популярность Гершуни после серии террористических актов необычайно возросли, и он оказался в центре внимания своих соратников и спецслужб России. Однопартийцы восторженно отзывались о лидере Боевой организации. «Собственно центром боевой организации, диктатором её был Гершуни»⁴³, – утверждал В. М. Чернов. Ему вторил В. Зензинов: «Гершуни был замечательный организатор: как хороший хозяин большого предприятия»⁴⁴, а Б. В. Савинков уточнял, что вместе с другими товарищами он видел «в нем вождя партии и шефа террора»⁴⁵.

С другой стороны, и представители правоохранительных органов России трезво и объективно оценивали Г. А. Гершуни, отдавая ему должное как опасному и коварному противнику. «Убеденный террорист, умелый, хитрый, с железной волей»⁴⁶, – точно и емко охарактеризовал его А. И. Спиридович. Тогда же министр внутренних дел В. К. Плеве, отчетливо понимая угрозу, исходившую от изобретательного и одержимо-неудержимого лидера террористов, заявил С. В. Зубатову, что фотокарточка Гершуни будет стоять у него на столе до тех пор, пока последнего не арестуют. Сам Зубатов очень высоко ставил организационно-террористические способности и деловые качества Гершуни, называя его «художником в деле террора»⁴⁷.

Однако на этот раз талантливому жандармскому полковнику удалось расшифровать витиеватые «художества» фармацевта и 13 мая 1903 г. в Киеве Гершуни был арестован. Фотографию террориста № 1 со стола министра внутренних дел теперь можно было подшивать в уголовное дело, однако это не уберегло от террористической расправы самого Плеве. Как оказалось, для окончательного решения проблемы подавления революционного террора на этом этапе следовало бы разместить на министерском столе фототриптих трех криминальных физиономий – Гершуни, Азефа и Савинкова. Как раз персоны с двух недостающих фотографий и организовали спустя год убийство самого Плеве.

Военно-окружной суд в Петербурге в феврале 1904 г. приговорил Гершуни к смертной казни, но она была заменена пожизненным заключением, которое он отбывал первоначально в Шлиссель-

бургской тюрьме для «ссыльно-каторжных политических преступников», а после упразднения тюрьмы 8 января 1906 г. в Акатуйской каторжной тюрьме в Восточной Сибири. В 1906 г. соратники организовали ему побег из тюрьмы, используя для этого бочку с квашеной капустой. Таким образом «заквашенный» террорист по четко отлаженной и не раз опробованной эсерами «ямской» эстафете на перекладных благополучно прибыл во Владивосток, откуда отправился в Японию, а затем, не задерживаясь, в США. Вот он – до боли знакомый «круговорот» русских революционеров в политике: преступление – суд – Сибирь – Япония – США – Европа – Россия – и снова за «дело». «Как феникс из пепла, восстал из небытия террорист № 1, – пишет Евгений Эрман. – В бочонке из-под квашеной капусты бежал с акатуйской каторги легендарный Гершуни. Не тратя времени даром, он пересек океан, организовал в Америке кампанию по сбору средств на революционно-террористические нужды и под прозрачным псевдонимом “Капустин” в самом боевом состоянии духа появился в Европе»⁴⁸.

В США Гершуни в течение нескольких месяцев выступал на массовых митингах и встречах со сторонниками и сочувствующими русской революции и таким образом, между прочим, собрал для партии сто восемьдесят тысяч долларов. Так, в одной из бесед в синагоге с известной феминисткой и пацифисткой Джейн Адамс, отвечая на её вопрос о революционном терроре, он риторически вопрошал: а что же остаётся делать русскому народу, «изнемогающему под произволом коронованных гангстеров?», и сердобольно-свободолюбивая американская публика послушно несла свои денежки в копилку, жестоко и незаслуженно обиженных властью, русских экстремистов.

Вернувшись в Европу, в феврале 1907 г. Гершуни принял участие в работе 2-го съезда партии эсеров в Финляндии. Его выступление на съезде для многих соратников явилось открытием. Приветствуя Гершуни как легендарного героя, они не ожидали встретить в нем идеолога, ориентирующегося в новой политической ситуации, сложившейся за период его уважительного тюремного отсутствия. «Товарищи ждали Гершуни – террориста и агитатора, – отмечали позднее в некрологе, – а перед ними выступил могучий оратор, истинный социалист-революционер с широким и проницательным взглядом на политическую жизнь, мыслитель и боец, политический вождь и агитатор в одно и то же время»⁴⁹.

На съезде Гершуни был избран в ЦК, где вместе с Е. Ф. Азефом должен был руководить всей террористической деятельностью партии. Так в одной партийной упряжке оказались, по точному и образному выражению Е. Эрмана, «Тигр революции (Гершуни) – и её шакал (Азеф)»⁵⁰. Однако этому криминальному тандему не суждено было себя проявить в полной мере. В конце 1907 г. Гершуни неизлечимо заболел саркомой легких и, несмотря

на усилия врачей, 17 марта 1908 г. скончался в швейцарском санатории. Похоронили лидера русских террористов на Монпарнасском кладбище в Париже рядом с могилой его кумира П. Л. Лаврова. Так закончилась жизнь «честолюбца, человека харизматического обаяния и железной воли, наставника и идола юных камикадзе»⁵¹. Это был человек, который, по признанию однопартийцев, заложил в «самое глухое время реакции краеугольные камни ПСР <...> Вся жизнь его казалась сказкой, романтической поэмой»⁵². Однако эта «сказка» получилась не веселая и добрая, а с кровавым отблеском революционного террора. Именно поэтому, думается, террорист-романтик Григорий Гершуни занял непоколебимое и заслуженное место в когорте замечательных нелюдей.

Примечания

- ¹ См.: *Мухин В. М.* Критика В. И. Лениным субъективизма и тактического авантюризма эсеров. Ереван, 1957; *Гусев К. В.* Партия эсеров : от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции : Ист. очерк. М., 1975; *Волубуев О. В., Миллер В. И., Шелохаев В. В.* Непролетарские партии России : итоги изучения и нерешенные проблемы // *Непролетарские партии России в трех революциях.* М., 1989.
- ² См.: *Яковлев Н. Н.* Вооруженные восстания в декабре 1905 года. М., 1957; *Козьмин Б. П.* Из истории революционной мысли в России. М., 1961; *Павлов Д. Б.* Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989; *Тютюкин С. В., Шелохаев В. В.* Первая российская революция 1905–1907 гг. (Предпосылки, задачи, расстановка политических сил) // *Вопросы истории КПСС.* 1991. № 7. С. 50–66.
- ³ *Лурье Ф. М.* Политический сыск в России. 1649–1917. М., 2006.
- ⁴ *Павлов Д., Петров С.* Японские деньги и русская революция. Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. М., 1993; *История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях : доп. учеб. пособие для студентов вузов / сост. О. В. Будницкий.* Ростов н/Д, 1996; *Леонов М. И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997; *Городницкий Р. А.* Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998; *Морозов К. Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998; *Будницкий О. В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология. Вторая половина XIX– начало XX в. М., 2000; *Суворов А. И.* Борьба с терроризмом в России в XIX– начале XX века. (Историко-правовое исследование антитеррористической деятельности правоохранительных органов дореволюционной России). М., 2002; *Багдасарян В. А., Бакаев А. А.* Российский революционный терроризм через призму исторической и общественно-политической мысли. М., 2004; *Павлов Д. Б.* Русско-японская война на суше и на море 1904–1905 гг. : секретные операции на суше и на море. М., 2004; *Бакаев А. А.* Отечественная историография политического терроризма в Российской империи начала XX века. М., 2005; *Менделеев А. Г.* «Куда влечет нас рок событий?» Газета эсеров «Революционная Россия» : пропаганда и терроризм. М., 2008; *Павлов Д. Б.* Японские деньги для первой русской революции. М., 2011; *Пережудова З. И.* Политический сыск России (1880–1917). М., 2013.
- ⁵ *Naimark N.* Terrorism and the Fall of Imperial Russia // *Terrorism and Political Violence.* Summer 1990. Vol. 2, № 2. P. 89.
- ⁶ См.: *Гейфман А.* Революционный террор в России. 1894–1917 / пер. с англ. М., 1997; *Она же.* В сетях террора / пер. с англ. М., 2002.
- ⁷ См.: *Прайсман Л. Г.* Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001.
- ⁸ *Кабанес О., Насс Л.* Революционный невроз. М., 1998. С. 147.
- ⁹ *Будницкий О. В.* Терроризм и современность. Статья первая // *Полемика.* Вып. 10. [Электронный журнал]. URL: <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/10/bud/> (дата обращения: 6 декабря 2014).
- ¹⁰ *Тельберг Г. Г.* «Университет жил совершенно нормальной жизнью». Публикация Валерия Осина // *Источник : Документы русской истории.* 1998. № 3 (34). С. 74.
- ¹¹ *Собрание законодательства Российской империи.* 1913 год. Т. XIV. Примеч. 2 к ст. 68 Уст. о пасп.
- ¹² *Чернов В. М.* В партии социалистов-революционеров: Воспоминания о восьми лидерах. СПб., 2007. С. 291.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же С. 290.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Гершуни Г.* Из недавнего прошлого. Париж, 1908. С. 43–44.
- ¹⁷ *Лавров П. Л.* Исторические письма. 2-е изд. СПб., 1905. С. 149–150, 152.
- ¹⁸ *Спиридонова М. А.* Из жизни на Нерчинской каторге // *Женщины-террористки в России.* Ростов н/Д, 1996. С. 456.
- ¹⁹ *Савинков Б. В.* Воспоминания террориста. М., 2013. С. 307.
- ²⁰ *Спиридонова М. А.* Указ. соч. С. 457.
- ²¹ *Спиридович А. И.* Записки жандарма. М., 1991. С. 120.
- ²² *Спиридонова М. А.* Указ. соч. С. 458.
- ²³ *Савинков Б. В.* Указ. соч. С. 307.
- ²⁴ *Спиридонова М. А.* Указ. соч. С. 458.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ *Цит. по: Фигнер В. Н.* Замечательный труд // *Полн. собр. соч. : в 7 т.* М., 1932. Т. 3. С. 200–201.
- ²⁷ *Чернов В. М.* В партии социалистов-революционеров. С. 290.
- ²⁸ *Фигнер В. Н.* Указ. соч. С. 198.
- ²⁹ *Чернов В. М.* В партии социалистов-революционеров. С. 290.
- ³⁰ Там же. С. 291.
- ³¹ *Спиридонова М. А.* Указ. соч. С. 460.
- ³² *Гершуни Г.* Указ. соч. С. 38.
- ³³ *Лавров П. Л.* Указ. соч. С. 149–150, 152.
- ³⁴ *Клейнборг Л. П. В. Карпович // Каторга и ссылка.* 1927. № 6(35). С. 205.

- ³⁵ Памяти Балмашева. Женева, 1902. С. 18.
- ³⁶ Цит. по: *Городницкий Р. А.* Три стиля руководства Боевой организации партии социалистов-революционеров : Гершуни, Азеф, Савинков // Индивидуальный политический террор в России. XIX– начало XX в. М., 1996. С. 54.
- ³⁷ *Зензинов В. М.* Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С. 156.
- ³⁸ Цит. по: *Фигнер В. Н.* Указ. соч. С. 200–201.
- ³⁹ *Спиридонова М. А.* Указ. соч. С. 457.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ *Биценко А. А.* В Мальцевской женской каторжной тюрьме 1907–1910 гг. (К характеристике настроений) // Каторга и ссылка. 1923. № 2. С. 193–194.
- ⁴² *Спиридович А. И.* Указ. соч. М., 1991. С. 120.
- ⁴³ *Чернов В. М.* Перед бурей. Воспоминания. Минск, 2004. С. 165.
- ⁴⁴ *Зензинов В. М.* Указ. соч. С. 158.
- ⁴⁵ *Савинков Б. В.* Указ. соч. С. 307.
- ⁴⁶ *Спиридович А. И.* Указ. соч. С. 119.
- ⁴⁷ Цит. по: *Прайсман Л. Г.* Указ. соч. С. 154.
- ⁴⁸ *Эрман Е.* Из жизни замечательных нелюдей : Азеф и Сталин // TERRA NOVA. 2008. № 35–36 Октябрь-Декабрь. URL: http://www.muza-usa.net/2008_35-36/2008-35-36-08-A.html (дата обращения: 6 декабря 2014).
- ⁴⁹ Памяти Гершуни // Знамя труда. 1909. № 16. 4 марта С. 1.
- ⁵⁰ *Эрман Е.* Указ. соч.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Памяти Гершуни. С. 1.

УДК 94(47).084.3

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ИМУЩЕСТВА СТАРой РУССКОЙ АРМИИ В ХОДЕ ЕЁ ПОЛНОЙ ЛИКВИДАЦИИ В 1918 ГОДУ

А. А. Симонов

Саратовский государственный университет
E-mail: simonoffsgu@mail.ru

В статье на примере поволжских гарнизонов рассматривается острая проблема сохранения военного имущества в ходе вынужденной полной ликвидации старой русской армии.

Ключевые слова: Октябрьская революция, Гражданская война в России, Поволжье, тыловые гарнизоны, демобилизация русской армии, советское военное строительство.

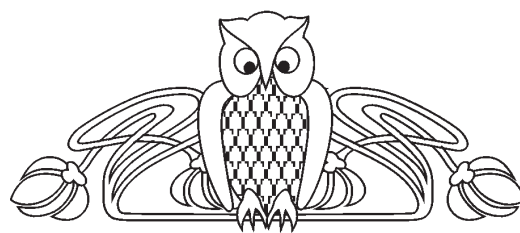
Problem of Keeping Military Munitions after the Forced Liquidation of the Old Russia's Army in 1918

A. A. Simonov

Examining the example of the Volga Garrisons, the article focuses on a pressing problem of keeping the military munitions after the forced liquidation of the old Russia's Army.

Key words: October Revolution, Civil war in Russia, Volga region, rare garrisons, demobilization in the Russian Army, Soviet military building.

Как известно, после Октября 1917 г. ликвидация русской армии шла по нарастающей и в силу сложившихся обстоятельств проводилась в очень быстром темпе, а главное – без предварительной выработки четкого плана и развернутой поэтапной программы. Неизбежное в демобилизационном процессе «революционное творчество солдатских масс» в корне подорвало воинскую дисциплину, способствовало возникновению у части военнослужащих настроений вседозволенности, нежелания подчиняться кому-либо, толкало армию на грань хаоса и анархии. Это не могло не обернуться огромными издержками морального и материального характера¹.

Проследим это на примере Самарского и Саратовского гарнизонов и уездного Балашовского гарнизона.

Самарская гарнизонная ликвидационная комиссия в составе 30 человек была избрана с помощью местного Совета 29 января 1918 г. На первое организационное заседание спустя четыре дня собралось 18 человек. Последующие заседания вообще не состоялись за неприбытием членов комиссии. В итоге расформированием гарнизона пришлось заняться недавно созданному при губисполкоме военному отделу². На тот момент гарнизон состоял из четырёх пехотных полков, сапёрного полка, артиллерийской бригады, формируемых мортирных, артиллерийских, пушечных и парковых дивизионов и целого ряда учреждений³. Причём численность личного состава далеко не соответствовала штатному расписанию. Причиной тому декрет Совета Народных Комиссаров (СНК) от 10 ноября 1917 г. и другие законодательные акты Советской власти о постепенном сокращении численности армии. Согласно им сначала демобилизовывались солдаты 1899 г. призыва, затем 1900 и 1901 гг. 3 января 1918 г. настала очередь призыва 1902 г., 10 января – 1903 г., 16 января – 1904–1907 гг. Наконец 29 января – 1908–1909 гг. Таким образом, только за январь уволилось восемь призывных контингентов⁴. На военной службе оставались несколько младших призывных возрастов, и то с ближайшей перспективой отправки домой. Факторами, как-то ещё поддерживающими их существование, служили казённое питание, одежда и тёплый кров в сочетании с наступившей «свободой» от каких-либо учебных занятий и обязанностей⁵.